

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-97-102
УДК 32(045)

Инклюзивная архитектура безопасности на Ближнем Востоке как способ противодействия экспансионистской политике США

Д.С. Крылов
ИНИОН РАН, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется исторический процесс экспансионистской политики мировых держав в регионе Ближнего Востока, особенно – на современном этапе, который происходит в условиях трансформации глобальной системы международных отношений. Отмечается постепенное ослабление влияния политики пространственной экспансии США в данном регионе. Автор рассматривает возможности российской концепции инклюзивной архитектуры безопасности в сфере обеспечения стабильности, мира и порядка на Ближнем Востоке. Отмечается, что ее важной составляющей является потенциал к расширению, который способен открыть новые горизонты сотрудничества как на уровне государств – участников структуры, так и в области защиты интересов третьих стран. Делается вывод, что данный формат системы безопасности способен не только противодействовать экспансионистской политике США, но и сдерживать деструктивные (для России) политики кросс-региональных держав в регионе, и в этой связи отвечает глобальным и региональным национальным интересам Российской Федерации.

Ключевые слова: инклюзивная архитектура безопасности; экспансия; экспансионистская политика; Ближний Восток; Россия; США; международные отношения; внешняя политика

Для цитирования: Крылов Д.С. Инклюзивная архитектура безопасности на Ближнем Востоке как способ противодействия экспансионистской политике США. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(6):97-102. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-97-102

ORIGINAL PAPER

Inclusive Security Architecture in the Middle East to Counter the US Expansionist Policy

D.S. Krylov
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ABSTRACT

The paper analyzes the historical process of the expansionist policy of world powers in the Middle East, especially at the present stage, which is taking place in the transformation's context of the global system of international relations. There is a gradual weakening of the influence of the US spatial expansion policy in this region. The author considers the possibilities of the Russian concept of an inclusive security architecture in ensuring stability, peace and order in the Middle East. Also, the author noted that its important component was the potential for expansion, which could open up new horizons for cooperation both at the level of the member states of the structure and in protecting the interests of third countries. The study concluded that this format of the security system could counteract the expansionist policy of the United States, and either to restrain the destructive (for Russia) policies of cross-regional powers in the region, and in that area, meets the global and regional national interests of the Russian Federation.

Keywords: inclusive security architecture; expansion; expansionary policy; Middle East; Russia; USA; international relations; foreign policy

For citation: Krylov D.S. Inclusive security architecture in the Middle East to counter the US expansionist policy. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(6):97-102. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-97-102

Крах биполярной системы международных отношений после распада СССР дестабилизировал баланс сил во многих регионах мира. Ближний Восток не стал исключением [1]. Этот регион всегда отличался высоким уровнем конфликтности, что связано как с противоречиями внутри и между государствами региона, так и с активным вмешательством внешних акторов. Исчезновение СССР с мировой арены, который был одним из центров силы на Ближнем Востоке, привело к росту неокOLONиализма и пространственной экспансии США.

В данной работе понятие «Ближний Восток» обозначает не столько географическое, сколько политическое пространство, которое включает в себя Израиль, страны Аравийского полуострова и арабского Машрика, а также государства, которые находятся на границах региона (Египет — на западе, Турция — на севере и Иран — на востоке), поскольку они играют ведущую роль во всех региональных процессах. Поэтому относящийся обычно к Среднему Востоку Иран в рамках данной работы именуется государством Ближнего Востока. При этом важную роль играют географический, ресурсный, логистический и исторический факторы. Так, географически Ближний Восток расположен на стыке Европы, Азии и Африки. С точки зрения ресурсов в недрах стран региона находятся значительные запасы углеводородов. Логистически Ближний Восток является важным элементом для любых транспортных коридоров и трубопроводов различного характера, которые связывают Европу с Азией (Запад с Востоком). Наконец, исторически данное пространство — арена соперничества мировых держав.

Что касается экспансионистской политики на Ближнем Востоке, то ее продвигали многие крупные державы, начиная с Османской империи [2], которая установила здесь контроль в XVI в. После окончания Первой мировой войны Османская империя рухнула, а ее бывшие территории в рамках Версальско-Вашингтонской системы международных отношений были разделены между странами Антанты (Великобританией и Францией), которые закрепили свое господство над территориями и начали процесс активной экспансии: в частности, Лондон получил «мандат» на Ирак и Палестину с Трансиорданией (позднее — королевство Иордания), а Париж — на Сирию с Ливаном.

Со временем в странах региона начался процесс национально-освободительного движения. В результате после окончания Второй мировой

войны и в начале формирования Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений страны Ближнего Востока стали обретать юридическую независимость от бывших метрополий. Тем не менее «независимость» была недолгой. Начавшаяся холодная война привела к разделению региона на тех, кто выступал на стороне Вашингтона, и тех, кто поддерживал Москву.

Впоследствии конфронтация двух мировых держав приведет к распаду СССР. После этого США на протяжении десятилетий оставались единственным гегемоном в регионе, распространяя и укрепляя свое влияние и контроль над ближневосточным пространством путем политики как «жесткой», так и «мягкой» силы. При этом среди идей и концептов, которые внедрялись и распространялись Вашингтоном, крайне деструктивным для ближневосточной подсистемы международных отношений был «демократический транзит», на основе которого США проводили в том числе и смену правящих режимов в отдельных государствах, курс которых расходился с интересами Белого дома. Среди факторов, которые способствовали продвижению данной политики Вашингтоном, следует отметить особую роль «морального износа» власти на Ближнем Востоке, в особенности в период после «арабской весны» 2011 г. В большинстве стран «износ» преодолевался через «отвлекающую» модель реакции власти, что не способствовало укреплению суверенитета и независимости национальных государств региона [3].

Однако возвращение России на мировую арену, начавшееся после Мюнхенской речи В. Путина в феврале 2007 г. и усилившееся в 2014 г. одновременно с возвращением Крыма в состав Российской Федерации, а также начало военной операции в Сирии в 2015 г. привели к значительному сдвигу баланса сил на Ближнем Востоке. Среди прочего, Вашингтон оказался неспособен эффективно в одиночку продвигать свою модель гегемонии [4]. Вместе с тем, как показали события 2015–2022 гг., США не были готовы отказаться от своей экспансионистской политики в регионе и продолжили ее продвигать. В результате к 2022 г. в регионе сформировались пять кросс-региональных держав: Египет, Израиль, Иран, Саудовская Аравия и Турция.

При этом трансформация современной системы международных отношений, которая вошла в активную фазу вместе с началом специальной военной операции в феврале 2022 г., помимо прочего, затронула характер и цели политики не только кросс-региональных, но и мировых держав на глобальном и региональном уровнях. В рам-

ках пространства Ближнего Востока это означает противодействие ведущих региональных (кросс-региональных) держав ультимативной политике Вашингтона и продвижение ими собственной экспансионистской политики, которая носит преимущественно идейно-ценностный характер, в отличие от более традиционного — пространственного завоевания и расширения влияния. В первую очередь речь идет о таких центрах силы, как Иран, Саудовская Аравия и Турция.

Расширение числа вызовов и угроз и эскалация международно-политической обстановкой выдвигают на передний план вопросы обеспечения безопасности, а также создания региональных структур, способных ее поддерживать и эффективно противодействовать возникающим рискам и угрозам. При этом одной из особенностей взаимодействия государств в регионе является их приверженность двусторонним формам сотрудничества. К таковым относятся, например, Кэмп-Дэвидские соглашения, заключенные между Израилем и Египтом [5]. Многосторонние договоренности гораздо менее долговечны и устойчивы.

Исторически на Ближнем Востоке существовали несколько систем безопасности, включая объединенные вооруженные силы под названием «Щит полуострова» в рамках Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) [6], которые, в частности, участвовали в военной кампании Саудовской Аравии в Йемене против повстанцев-хуситов [7]; Исламскую военную коалицию по борьбе с терроризмом во главе с Саудовской Аравией¹; российский проект инклюзивной архитектуры безопасности (ИАБ) на Ближнем Востоке (официальное название отсутствует) [8]. Кроме того, существует продвигаемый США концепт «Ближневосточного стратегического альянса», который должен быть направлен на противодействие Ирану и стать альтернативой НАТО на Ближнем Востоке².

Организация «Щит полуострова» (The Peninsula Shield Force) [9] была создана в конце 1984 г. в ходе пятого саммита ССАГПЗ с целью реагирования на акты возможной военной агрессии против любого государства — участника Совета сотрудничества

арабских государств Персидского залива [6], в том числе — со стороны шиитского Ирана. Совместная группировка «Щит полуострова» активно использовалась в ходе войны в Персидском заливе в 1990–1991 гг., во время вторжения США и их союзников в Ираке в 2003 г., а также в ходе массовых протестов 2011 г. в государстве Бахрейн (с целью «обеспечения безопасности и порядка»)³.

На современном этапе объединенные вооруженные силы участвуют в военной кампании Саудовской Аравии в Йемене против повстанцев-хуситов⁴. При этом «Щит полуострова» в рамках данного конфликта продемонстрировал невысокий уровень реальной результативности и полезности в боевых условиях. Кроме того, практика геополитического, геоэкономического и идеологического противостояния Саудовской Аравии и Ирана показала низкую эффективность организации «Щит полуострова» в качестве элемента региональной архитектуры безопасности. Тем не менее данная структура не является полноценным военно-политическим блоком, в отличие от Исламской военной антитеррористической коалиции.

Идея создания Исламской военной антитеррористической коалиции (ИВАК) впервые была озвучена наследным принцем Саудовской Аравии Мухаммадом ибн Салманом 15 декабря 2015 г. Она была поддержана 34 государствами, представители которых собрались в марте 2016 г. на саммите в Эр-Рияде. Стратегически работа коалиции ведется по четырем ключевым направлениям: интеллектуальное; СМИ; борьба с финансированием терроризма; военное⁵.

В декабре 2016 г. число государств-участников расширилось до 41 и, по состоянию на октябрь 2022 г., включает в себя 21 государство Ближнего и Среднего Востока, 17 государств Африки, а также 3 государства Южной и Юго-Восточной Азии.

Формально ИВАК позиционируется как альянс, деятельность которого направлена исключительно против терроризма. Подчеркивается важность борьбы со множеством вызовов в данной сфере, которые угрожают или могут угрожать исламскому миру независимо от источника их происхождения.

³ Бахрейн будет использовать силы «Щит полуострова» для поддержания порядка. URL: https://archive.aawsat.com/details.asp?section=1&article=612637&issueno=11795#.YtGHF_NBy-8

⁴ Полуостров бурь: зачем Саудовская Аравия начала войну в Йемене. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1857491>

⁵ Направления работы Коалиции. URL: <https://imctc.org/ar/FocusAreas/Pages/default.aspx>

¹ Islamic Military Counter Terrorism Coalition. Focus Areas. URL: <https://web.archive.org/web/20191017073915/https://www.imctc.org/Arabic/FocusAreas>

² НАТО по-арабски: возможно ли создание антииранского военного альянса между США и ближневосточными странами. URL: <https://russian.rt.com/world/article/549848-sshavostok-objedinenie>

Вместе с тем наблюдаются определенные не только региональные, но и религиозные диспропорции. Примечательно отсутствие Ирана, который на современном этапе является центром шиитской части исламского мира, что вступает в противоречие с декларируемыми принципами общемусульманского характера коалиции.

Результаты практической деятельности показывают, что Исламская военная антитеррористическая коалиция в значительной степени является демонстративным образованием, которое направлено не столько на фактическую борьбу с терроризмом, сколько на координацию усилий государств-членов в данной сфере. В этой связи эффективность противодействия ИВАК реальным угрозам в лице различных террористических группировок и квазигосударств оказалась крайне низкой. Так, например, Исламское государство⁶ в Сирии было практически полностью уничтожено благодаря усилиям России и ее союзников в ходе проведения военной операции, несмотря на угрозы со стороны террористов в отношении государств — членов ИВАК, участие которых в этом процессе было минимальным (преимущественно в форме политических заявлений). В борьбе с терроризмом в Ираке, а также в иных региональных конфликтах Исламская военная антитеррористическая коалиция в целом участия не принимала. Тем не менее в процессе создания коалиции многие региональные, кросс-региональные и мировые державы, в том числе Пакистан, Египет, Германия, Турция, США, Китай и др., выражали поддержку данной инициативы.

Таким образом, вероятно, низкая эффективность обуславливается, во-первых, способностью Саудовской Аравии как кросс-региональной державы и формального лидера ИВАК воздействовать на все ключевые процессы на Ближнем Востоке, минимизируя возможные риски и угрозы без вовлечения коалиции [10]; во-вторых, попытками внешнего воздействия со стороны США на процессы в регионе (в том числе на деятельность ИВАК, которая может стать препятствием для распространения Вашингтоном своего влияния на Ближнем Востоке); в-третьих, отсутствием заинтересованности со стороны отдельных участников коалиции, которые не стремятся поддерживать амбиции и устремления Эр-Рияда.

Тем не менее, несмотря на существующие и перспективные сложности, наилучший результат в деле обеспечения региональной безопасности проде-

монстрировала российская инициатива по созданию инклюзивной архитектуры безопасности (ИАБ) на Ближнем Востоке. Ключевой особенностью ИАБ является инклюзивность, которая предполагает вовлечение в диалог и процесс поиска компромиссных решений всех заинтересованных акторов, способных оказывать влияние на региональные процессы, в том числе в сфере безопасности и поддержания стабильности [11]. В настоящее время ИАБ имеет трехзвенную структуру, которая включает в себя Россию, Турцию и Иран. При этом каждая из трех стран ведет собственную антиколониальную политику в регионе Ближнего Востока. Например, Турецкая Республика продолжает взаимовыгодное сотрудничество с Российской Федерацией касательно ракетной системы С-400, несмотря на угрозы и вводимые Западом санкции. Кроме того, Анкара последовательно проводит курс на установление собственных «правил игры» в отношениях с США и государствами Европы. Это подтверждается как миграционным кейсом на фоне кризиса 2015 г., так и процессом, связанным с принятием в члены НАТО Финляндии и Швеции в 2022 г.⁷

Что касается инклюзивной архитектуры безопасности на Ближнем Востоке, то в перспективе возможно расширение влияния на региональные процессы двумя способами (по отдельности или одновременно): через увеличение числа участников (например, путем присоединения к структуре Саудовской Аравии, которая в июне 2022 г. начала попытки нормализации отношений с Ираном⁸, несмотря на длительный период конфронтации и соперничества с Сирией, Йеменом, Ираком, а также конфликт вокруг Совместного всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной программе [12]); или же через обеспечение интересов других региональных и мировых игроков государствами — членами ИАБ с применением политических и/или военных методов (например, использование ресурса военной полиции Российской Федерации для обеспечения безопасности предприятий, функционирующих за счет иностранных инвестиций).

Расширение ИАБ любым из указанных способов в перспективе ограничит экспансионистскую политику США в регионе Ближнего Востока, поскольку будет создана разветвленная сетевая структура

⁷ Турция заблокировала переговоры о вступлении Финляндии и Швеции в НАТО. URL: <https://ria.ru/20220518/turtsiya-1789264775.html>

⁸ Иран и Саудовская Аравия двинулись навстречу друг другу. URL: <https://regnum-ru.turbopages.org/regnum.ru/s/news/3631625.html>

⁶ Организация, запрещенная на территории РФ.

политических, военных и экономических связей между Россией, Турцией, Ираном и иными государствами региона, а также заинтересованными мировыми державами (например, Китаем). Вместе с тем в контексте российских национальных интересов, ИАБ, после достижения необходимого уровня и количества связей между кроссрегиональными державами, будет способна в определенной степени ограничить уже их экспансионистскую политику в регионе Ближнего Востока, которая угрожает интересам Российской Федерации как в военно-политическом, так и в экономическом, и идейно-ценностном пространствах (например, проводимую Турецкой Республикой политику «неосманизма» [13]).

Подводя итоги, следует отметить, что глобальная трансформация системы международных отношений оказывает влияние на политику многих государств в различных региональных подсистемах. США не являются исключением и, вероятно, мы наблюдаем начало конца эпохи их экспансионистской и в отдельных случаях постколониальной политики на Ближнем Востоке. Вместо нее будут проводиться кросс-региональные суверенные внешне- и внутривнутриполитические курсы национальных государств-лидеров, а также расширяться сферы влияния других мировых держав, которым в будущем предстоит выстраивать новый

мировой порядок и формулировать «правила игры». Тем не менее, по состоянию на первую половину 2022 г., данный процесс далек от своего завершения. Вместе с тем возможность усиления числа и уровня интенсивности конфликтов в регионе Ближнего Востока, в связи с ослаблением влияния США, диктует необходимость уделять особое внимание вопросам обеспечения и поддержания безопасности на данном пространстве.

В этом контексте продвигаемый Россией проект инклюзивной архитектуры безопасности является уникальной возможностью создать долгосрочную, гибкую и, вместе с тем, эффективную систему безопасности на Ближнем Востоке. В ИАБ уже вовлечены две из пяти кроссрегиональных держав. Расширение количества членов может открыть новые возможности для диалога и противодействия деструктивным действиям Вашингтона. Кроме того, расширение возможностей и сфер применения механизмов, функционирующих в рамках ИАБ, позволит России и другим заинтересованным акторам укрепить свое влияние и присутствие в регионе в сфере обеспечения безопасности и защиты интересов третьих стран, без необходимости значительной эскалации напряженности, что в общем и целом отвечает глобальным и региональным интересам Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Савичева Е. М. К вопросу о геополитической ситуации на Ближнем Востоке: взаимодействие региональных и глобальных тенденций. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2014;(3):14–21.
2. Энгдаль Ф. У. Столетие войны: англо-американская нефтяная политика и Новый мировой порядок. М.: Война и мир; 2014. 408 с.
3. Шатилов А. Б. «Моральный износ» власти как фактор дестабилизации политических режимов. *Власть*. 2020;28(4):9–17. URL: <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i4.7406>.
4. Казанцев А. А., Сергеев В. М. Кризис «американоцентричной» глобализации: причины, тенденции, сценарии развития. *Вестник МГИМО Университета*. 2020;13(2):40–69. URL: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-2-71-40-69>.
5. Bani Salameh M. A. R., Bani Salameh M. T., Al-Shra'h M. K. The Camp David Accords: Lessons and Facts. *Human Mutation*. 2012;10(2):203–239.
6. Guzansky Y. Defence Cooperation in the Arabian Gulf: The Peninsula Shield Force Put to the Test. *Middle Eastern Studies*. 2014;5(4):640–654. URL: <https://doi.org/10.1080/00263206.2014.901219>.
7. Моисеев Д. Боевые действия в Йемене временно завершаются. URL: https://www.ng.ru/world/2022-04-03/8_8407_yemen.html.
8. Аватков В. А. Новая система будущего Сирии: трехсторонний подход. Международный дискуссионный клуб «Валдай». URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/sistema-budushchego-sirii/>.
9. Twinam J. W. The Gulf. Cooperation and The Council: An American Perspective. Washington, D.C.: Middle East Policy Council; 1992. 294 p.
10. Мелкумян Е. С. Совет сотрудничества арабских стран Персидского Залива как институт обеспечения национальной безопасности стран-членов. *Ислам на Ближнем и Среднем Востоке*. 2015;(9):455–464.

11. Крылов Д.С. Инклюзивная архитектура безопасности на Ближнем Востоке: особенности функционирования и перспективы расширения. *Международные отношения*. 2021;(3):1–14. URL: <https://doi.org/10.7256/2454-0641.2021.3.36184>.
12. Лебедев С.В. Контуры новой холодной войны на Ближнем Востоке. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(2):6–10. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-6-10
13. Аватков В.А. Неоосманизм. Базовая идеология и геостратегия в Турции. *Свободная мысль*. 2014;(3):71–78.

REFERENCES

1. Savicheva E.M. On the question of the geopolitical situation in the Middle East: the interaction of regional and global trends. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International relations*. 2014;(3):14–21. (In Russ.).
2. Engdal F.U. A Century of War: Anglo-American Oil Policy and the New World Order. Moscow: War and Peace; 2014. 408 p. (In Russ.).
3. Shatilov A.B. "Obsolescence" of power as a factor in the destabilization of political regimes. *Power*. 2020;28(4):9–17. URL: <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i4.7406>. (In Russ.).
4. Kazantsev A.A., Sergeev V.M. The crisis of "American-centric" globalization: Causes, trends, growth scenarios. *Bulletin of MGIMO University*. 2020;13(2):40–69. URL: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-2-71-40-69>. (In Russ.).
5. Bani Salameh M.A.R., Bani Salameh M.T., Al-Shra'h M.K. The Camp David Accords: Lessons and Facts. *Human Mutation*. 2012;10(2):203–239.
6. Guzansky Y. Defense Cooperation in the Arabian Gulf: The Peninsula Shield Force Put to the Test. *Middle Eastern Studies*. 2014;5(4):640–654. URL: <https://doi.org/10.1080/00263206.2014.901219>.
7. Moiseev D. The fighting in Yemen is temporarily ending. URL: https://www.ng.ru/world/2022-04-03/8_8407_yemen.html. (In Russ.).
8. Avatkov V.A. New system for the future of Syria: Tripartite approach. *Valdai International Discussion Club*. URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/sistema-budushchego-sirii/>. (In Russ.).
9. Twinam J.W. The Gulf. Cooperation and The Council: An American Perspective. Washington, D.C.: Middle East Policy Council; 1992. 294 p.
10. Melkumyan E.S. Cooperation Council for the Arab States of the Persian Gulf as an institution for ensuring the national security of member countries. *Islam in the Middle East*. 2015;(9):455–464. (In Russ.).
11. Krylov D.S. Inclusive Security Architecture in the Middle East: Features of Functioning and Prospects for Expansion. *International relationships*. 2021;(3):1–14. URL: <https://doi.org/10.7256/2454-0641.2021.3.36184>. (In Russ.).
12. Lebedev S.V. New Cold War in the Middle East. *Humanitarian sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(2):6–10. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-6-10
13. Avatkov V.A. Neo-Ottomanism. Basic ideologeme and geostrategy in Turkey. *Free thought*. 2014;(3):71–78. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Данила Сергеевич Крылов — научный сотрудник Отдела Ближнего и Постсоветского Востока, Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Москва, Россия

Danila S. Krylov — Research Fellow, Department of Middle and Post-Soviet East, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAS), Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-1982-4678>

danila-krylov@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.08.2022; принята к публикации 15.09.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 20.08.2022; accepted for publication on 15.09.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.